

Штраф ценою в жизнь

Олег ЗОИН

Очерк

Хмурое, мерзко-холодное утро в конце октября 1943 года. Уже месяц длится Мелитопольская наступательная операция по форсированию речушки Молочной и штурму Пришибских высот на её правом, высоком берегу. А воз и ныне там. Немцы создали такую укрепленную линию обороны, что непрерывные атаки частей Южного фронта захлёбываются на первых метрах правого берега либо у отвесной глинистой стены многокилометрового эскарпа, отрытого для гарантированного отражения наших атак, либо перед широченным противотанковым рвом там, где встречались более пологие высоты.

Свинцово-серое небо сыплет ледяным дождём, то и дело переходящим в мокрый снег.

Час назад в мраке ненастного утра Студебеккеры подвезли к передовой несколько сот женщин, в основном молодых и даже ещё сопливых, одетых, в чём из дома вышли позавчера при облаве, – в кухвайки, какие-то затрапезные пальтеца, умотанных в пёстрые платки, обутых в ношенную-переносимую кирзятину или в валенки с калошами-чунями, склеенными из раскроенных автопокрышек.

Голодные, запуганные, рыдающие. Десятка два автоматчиков погнали это человеческое стадо в сторону речки Молочной, на противоположном берегу которой на так называемых Пришибских высотах в тёплых дзотах и дотах сидели немцы, вглядываясь через прорези бронещитов в круговерть непогоды, чтобы вовремя заметить атаку и стрелять наверняка.

Месяц изнурительных бросков Южного фронта Толбухина пока не принесли желанного прорыва на Мелитопольском направлении, а потери штурмующих превысили все возможные пределы. На центральном участке линии “Вотан” шириной примерно 25-30 километров толбухинцы ежедневно теряли примерно по 15 тысяч человек.

Речка Молочная за месяц превратилась в многокилометровую братскую могилу штурмующей пехоты.

Вот что пишет Владимир Смердов, командир Бердянского военно-поискового отряда «Полигон»:

“... в списках безвозвратных потерь, понесённых в районе Чапаевки (тогда – Вейнау), Виноградного (тогда – Альт-Нассау) и Старобогдановки, напротив тысяч фамилий значится: «Убит. Место захоронения — река Молочная». Старожилы рассказывали, что при форсировании реки Молочной, глубина которой до двух метров, тела погибших громоздились на полтора метра выше уровня воды. Две недели вода текла красная от крови: по этим телам пускали технику, танки, тянули пушки, бежала пехота...”

Кое-как переправив толпу невооружённых, ничего не понимающих, рыдающих, обезумевших женщин через месиво из человеческих останков, что невозможно тогда было назвать речкой, пастухи-автоматчики, настоящие штрафники-уголовники, погнали своих овецек вверх по склону высоты, на вражеские дзоты первой линии, показав места, где отвесная стенка противотанкового рва уже была немного разрушена разрывами наших снарядов и обвалилась настолько, что можно было кое-как, но забраться на склон высоты, уходящей вверх метров на восемьдесят.

Что там видели немцы и понимали ли, что к ним гонят безоружное женское стадо, сейчас невозможно установить. Ни один немецкий ветеран тех сорокасуточных боёв не оставил воспоминаний. А жаль...

Но на войне, как на войне. Возникшая из круговерти снега и дождя странная сюрреалистическая толпа – наступала в полной тишине. Опытные штрафники конвоиры вовремя тормознулись перед началом пулемётной сечи, галантно пропустив дам вперёд, вскрыли тишину, как консервную банку тушонки, несколькими автоматными очередями и замолкли, отступив от конвоируемых вниз по склону в сторону речки, оставив бабье наедине с фрицами, и, припав к земле, проворно поползли назад, к своим командирам, доложить о выполнении приказа...

И вражеская высота привычно заговорила пулемётами и автоматами. И – долго ли, умеючи, – за пару-тройку минут управилась. Женщины падали, как мишени на стрельбище, не дойдя до первой линии обороны немцев несколько десятков метров, вскидывали в инстинктивной мольбе руки, и так, с распростёртыми в прощальном объятии руками, оседали на мокрую холодную траву, обнимая родную украинскую землю последний раз...

– Мамо, рятуйтэ!!!

Потом ещё десять – двенадцать дней продолжались тупые, как головой об стену, атаки на линию “Вотан” и рядом с женским штраф-стадом полёг в полном составе и настоящий мужской штрафбат, тоже в большинстве своём состоявший из местных мужиков, отловленных в окрестных сёлах... Какой смысл был гнать безоружных, необученных людей под град пуль? Надежда, что у немцев рано или поздно кончатся патроны?..

Ещё через месяц, когда немцы оставили Мелитополь и организованно, не прощаясь, покинули линию “Вотан”, Пришибские высоты стали, наконец, нашими и фронт надёжно ушёл на Запад, в Токмаке и Мелитополе возродилась родная советская власть, заработали горкомы-райкомы, исполкомы, милиция и, конечно, военкоматы. Полевые военкоматы, подобравшие в ноябре под гребёнку остатки мужчин после дивизионных мобилизаций, помогали местным властям зачищать округу от нескольких сотен тысяч трупов просто мобилизованных граждан, потому что назвать их, необмундированных, необученных, невооружённых, солдатами язык не поворачивается...

Вейнау и десятки других немецких сёл вдоль реки Молочной стояли пустые, немцы-колонисты бросили нажитое за полтора года лет и драпанули с отступающими войсками вермахта. Но рядом, вперемежку с немецкими,

располагались старинные украинские сёла, где хотя и не осталось ни одного работоспособного мужика, ещё встречались бабоньки и старухи.

И вот власть дала команду старухам хоронить павших за Родину, за Сталина, за светлое будущее...

Осень, а за ней зима, выдались ненастные, но с непрерывными оттепелями. Поля, усеянные разлагающимися трупами, представляли картины Апокалипсиса. Но бабоньки не знали такого слова и, собирая в звенья по три-четыре, послушно запрягали в подводы коровёнок и свозили урожай смерти в дзоты и окопы, где немного прикапывали землёй... Работы хватало на полгода, до самой посевной. Родине был нужен хлеб и сеять начали в разворочённые взрывами и исполосованные окопами поля. Плуги то и дело выцарапывали из борозд шинели и ватники с полуистлевшим телами, тогда находку стаскивали с лемеха специальным крючком и оттаскивали на обочину, где вырывали небольшую канаву глубиной в полтора-два штыка лопаты и солдатика заваливали землёй до лучших времён...

Звено будущей мамы Николая Владимировича (он 1948-го года) в один из ненастных дней приступило к уборке очередной площадки на подступах к Вейнау, усеянной примерно полутора тысячью трупов, едва прикрытых скудным снегом. Но место оказалось особенным – среди ватников и шинелок бойцов Советской армии – более 300 расстрелянных женщин в гражданском шмотье. Их так и стащили в близлежащие дзоты – женщин и мужчин попеременно, как их соединила смерть...

Потом, долгие сорок лет власть делала всё возможное, чтобы скрыть преступление. Дзоты с захоронениями женщин обваловали земляным валом и место превратили в пруд. Немецкие сёла заселили спецпереселенцами из Курской, Орловской, других областей Центральной России, где война стёрла с лица земли тысячи деревень, и брошенные немецкие сёла с добротными кирпичными домами обрели новых счастливых хозяев. Сёла срочно переименовали на наш манер. Вейнау стало Чапаевкой, хотя Василий Иванович никаким боком к этим краям не касался, Альт-Нассау теперь Виноградное, десятки других сёл носят ныне благозвучные имена...

Загуляла деза о том, что некое женское подразделение Советской Армии меняло дислокацию и заблудилось в утреннем тумане, а подлые фрицы сначала взяли безоружных санитарок в плен, а затем, как солнце вышло из-за туч, расстреляли пленниц на бруствере своих окопов для устрашения наших доблестных бойцов, штурмующих линию “Вотан”...

Но были ещё живы свидетельницы той битвы, работавшие в “похоронных командах” из местных женщин, так что постепенно крупницы правды стали складываться в причудливые легенды о “женском штрафбате”, а десятки энтузиастов принялись искать засекреченные захоронения...

Много пришлось преодолеть патриотам-искателям исторической правды. Никто не выделял средств – приходилось работать вскладчину, экономя каждую копейку.

Отказывали в разрешениях на раскопы, на биологическую экспертизу для определения пола останков. На свои деньги поисковиками были наняты дорогие

остепенённые эксперты, подтвердившие женский пол у 32 скелетов в первом раскопанном дзоте...

В райцентре Токмаке Рифат Гейченко организовал музей страшных находок. Сотни семей в России и в Украине узнали, где погибли их близкие, смогли достойно похоронить их на родине или приехать на место гибели и поплакать на месте боёв...

В июне мне выпала возможность съездить в Украину. Побывал в Миргороде, Ясиноватой, затем вернулся на малую родину в Запорожье. И вот осталась пара свободных до отъезда дней.

И я решился, наконец, поехать в Вейнау-Чапаевку, куда собирался не один год, с 1987-го, когда узнал первые крохи информации о драматической судьбе так называемого “женского штрафбата”, полностью погибшего под пулемётной метелью на берегу речки Молочной в октябре 1943 года.

Утром подался на автовокзал и маршруткой за полтора часа и 30 гривень добрался до райцентра Токмак, это к югу от Запорожья в мелитопольском направлении.

Погода жаркая, больше 30-ти, малооблачно. Полпервого киевского времени. В центре городка всё близко, так что и автостанция оказалась неподалёку за углом. Меня к ней любезно провёл старик, кативший в нужном мне направлении велосипед, навьюченный мешками с сеном.

Зашёл. Ни одной живой души. У кассира выяснил, что автобус в Чапаевку отчалил в 11 с минутами, следующий – завтра.

Вернулся на площадь к стоящим рядком такси. Спросил водил, кто отвезёт в Чапаевку. Вызвался один, нехотя стал рядиться.

– Сто двадцать гривень, дедуля!

Это примерно 600 целковых примерно за 20 кмэ.

– Ты шо, хлопэць, сказывся? Дэ ж я тоби таки гроши знайду? – Отбивался я. Впрочем, внутри себя я уже согласился на грабительскую сумму, потому что практически у цели, а если не получится добраться до Чапаевки в этот раз, то вряд ли когда ещё такой случай представится.

Короче, доторговались до 90 гривень...

Таксист доложил диспетчеру, и мы понесли с ветерком, что немного охлаждало. Я по привычке сразу же пристегнулся, вызвав здоровый смех у водилы. Оказалось, что здесь никто не пристёгивается, потому как все вокруг свои и кто же станет издеваться и требовать пристегнуть ремень. Но я, выдрессированный нашим ГИБДД, испытывать судьбу в Украине не стал...

Хлопец оказался балакучий, и я много чего узнал о местной жизни. Фирма такси, конечно, под бандюками, но ребята хорошие, отбирают не всё, дают дышать и кормить семьи, так что в фирму есть даже очередь на трудоустройство...

- А что же мэр не приструнит пацанов?..

– А зачем? Он же получает свой процент. Бывают, правда, ненормальные, начинают свои порядки устанавливать, так такому на первый раз скажут, а на второй раз, если не понял, в лоб стрельнут... Так и живём. Зашибись!..

Ехать было всего ничего, за приятной беседой миновали Молочанск, какие-то сёла. Дорога, понятно, была для местных селян дорогой жизни, но явно лет 30 неремонтировавшейся...

Вот и Вейнау-Чапаевка. Как потом выяснил, Чапаев здесь и не ночевал, но в 45-м основанное в 1802-м немцами-меннонитами село Вейнау переименовали в Чапаевку. Соседнее Альт-Нассау соответственно в Виноградное...

И сегодня ещё не все привыкли к чапаевизации, многие называют села по-прежнему Вейнау и Альт-Нассау. Даже в Интернете и карты, и прогнозы погоды вы легко найдёте и на первые имена, и на официальные сегодняшние...

Итак, таксист привёз меня на околицу Вейнау-Чапаевки, приглашая рассчитаться и выметаться. Мемориал памяти погибшим при штурме этих мест в октябре 1943-го, мол, недалеко, метрах в 200-х за околицей.

Я решил начать с опроса жителей и попросил свезти в центр села.

Шофёр развернулся и подкинул меня к бывшему правлению колхоза – облупленному домику с заколоченными дверями и окнами. Похоже, что заколотили их ещё в 1990-м, когда Украина объявила о суверенитете...

И вот стою посреди улицы. Самая жара. Тишина. Ни собака не гавкнет, ни тебе петух не кукарекнет, ни одной живой души ни во дворах, ни на дороге.

Дворики ухоженные, у каждой калитки скамеечка, цветы, дорожка подметенная... Подумалось, что эти красоты при 35-ти градусной жаре я долго наблюдать не смогу, а полторашки с “Миргородской лагидной” нехватит и на час... Шевельнулось сомнение, зачем в одиночку забрался в глубинку, а если какие проблемы, то кому тут буду нужен?..

Мою тревогу прервал шум мотора “Жигулей”, появившихся со стороны Мемориала. Хотел было махнуть рукой, чтобы тормознуть машину и расспросить, нет ли старожилов, помнящих дела 43-года. Но “Жигуль” сам остановился, заворачивая во двор, напротив которого я загорал. Кто-то привычно открыл простенькие ворота, и машина нырнула в тень заросшего зеленью двора. Из машины выбралась хорошенькая молодая женщина, к ней, улыбаясь, метнулся тот, кто открыл ворота. Наверное, муж.

Подошёл, попросил хозяев подойти к калитке для разговора. Женщина подошла, терпеливо выслушала про мои проблемы. Подумала.

Сказала буднично, без колебаний:

– Если подождёте 15-20 минут, пока попою телят, то отвезу вас на Мемориал...

Да куда ж я денусь, понятно, подожду... Присел на скамейку у ворот, попил “Миргородской лагидной”, по-нашему “мягкой, доброй”. Очень вкусная вода! Советую, честно!..

Но вот телята напоены и хозяйка выезжает из двора. Приглашает меня в машину. Знакомимся. Зовут – Катя. Здесь недавно, вышла в Вейнау замуж, сама из Токмака. Знает, что живы ещё несколько человек, хоронивших тех бедолаг из женской штраф-роты... Но лично пока не контактит и познакомить поэтому не может...

Но на Мемориал свозит. С радостью соглашаюсь. Едем на Мемориал.

И вот асфальтовая лента главной аллеи в виде прямого, “в лоб”, довольно крутого подъёма. Эту высоту наши и штурмовали в 43-м “в лоб”!!! На такую же

высоту, оштрафованную ДЗОТами и бронеколпаками, погнали и “оштрафованных” молодых женщин и девчат...

Главный подъём к Мемориалу

Мемориал грандиозный. И по площади, и своей вознесённостью в небо, и наивными, но от всего сердца обелисками и памятными плитами. Много зелени – цветов и деревьев. Всё идеально ухожено, полито, подстрижено, прибрано.

На самой вершине безымянной – для меня высоты - величественный крест, осеняющий площадь, и скромная часовня на противоположной от креста стороне площади. Здесь всегда, особенно летом да ещё в хорошую погоду, людно.

Подъезжают машина за машиной с невестами и женихами. Традиции начинать совместную жизнь молодых с посещения Мемориала уже третий десяток лет...

Катя останавливает свой скромный “Жигуль” на свободном уголке площади рядом с шикарным “Мерсом”.

Выхожу. Начинаю жадно фотографировать. Всё подряд, потому что здесь всё и важно, и невиданно, и трагично.

Вот и главная цель моей поездки: скромная памятная сестринская (!!!), среди десятка братских, могила погибших молодых женщин безымянной штраф-роты под обелиском “Сломанная роза”.

Снизу, от подножия высоты, от речки Молочной восходят потоки тёплого июньского воздуха, настоящего на травах и запахах подсолнечных и кукурузных полей.

Отхожу в сторонку, чтобы не мешать очередным жениху и невесте возложить цветы к “Сломанной розе” и задуматься о смысле жизни...

Возвращаюсь к Кате, моей доброй неожиданной провожатой. У её машины уже выгружается из мощного Лэнд-Крузера другая свадьба. Катя разворачивается и привозит меня к своему двору, откуда брала на борт.

Всё. Надо выметаться. Предлагаю Кате двадцать гривень на бензин, потому что в Украине он на наши деньги более 40 рублей за литр. Но она на грани обиды и денег не берёт.

Потом, подумав, предлагает “сверх программы” подбросить меня в соседнее Альт-Нассау-Виноградное, где живёт председатель местного сельхозтоварищества, проще говоря, бывшего колхоза, Савченко Николай Владимирович, главный инициатор, архитектор, строитель и защитник Мемориала. На нём всё и держится. Прокладываются и асфальтируются новые аллеи, высаживаются, поливаются, подрезаются сотни цветов, кустов и деревьев, замышляются, возводятся и охраняются новые памятные “объекты”... На деньги его сельхозпредприятия и на его личные деньги.

Добираться до Альт-Нассау-Виноградного всего ничего – километра три. Такая же протяжённая главная улица, как и в Вейнау-Чапаевке, но село побольше, центр Виноградненского сельсовета...

Вот и домик Савченко. Такой же скромный, одноэтажный, как и у Кати, но у ворот стоит крутой новенький джип Nissan Pathfinder. Значит, хозяин – дома. Катя тормозит за два дома. Просит меня не говорить, что это она меня привезла. Народная мудрость ещё с бог весть каких времён, впитанная с молоком матери, – не лезь не в свои дела...

Благодарю Катю и даю ей возможность быстренько смыться. Иду к нужным воротам. Стучу. Выходит пожилая женщина. Прошу позвать Савченка. Уходит. Через минуту в калитке появляется крупный дядько в одних трусах по-домашнему, что объяснимо при такой сатанинской жаре.

Знакомимся. Он ещё молодой, 48-го года. Ведёт крупное хозяйство, доводит до мирового уровня Мемориал...

Присаживаемся на неизменной лавочке у ворот.

Объясняю, что много лет не выходит из головы легенда о женском штрафбате, что хочу написать книгу...

Николай Владимирович улыбается. Говорит, что книга уже написана Володей Смердовым из Бердянска и, как только появится спонсор, будет издана. Смердов пол-жизни посвятил раскрытию тайны Мелитопольского наступления 1943-го года, раскопал сотни окопов и блиндажей, захоронил тысячи безвестных бойцов, их родным, если удалось прочитать истлевшие документы, дал знать, где их мужики лежат...

Успокаиваю Савченка. Говорю, что не претендую писать документальную книгу, с интересом не только прочту исследование Смердова, но и помогу ему, если надо, издаться за рубежом. А сам нацелился на роман об этой трагедии...

– А, роман... – Облегчённо вздыхает Николай Владимирович. – Дело доброе. То, что происходило тогда на наших высотах, достойно и романов, и фильмов!..

И он начинает рассказывать драму 69-летней выдержки.

Сам он местный. Из соседнего с Вейнау украинского села. Целинные земли вдоль реки Молочной ещё по высочайшему разрешению Екатерины II, а реально с 1802 года заселили немцы-меннониты, основав десятки живописных сёл.

Когда началась война, то сразу, уже в августе 41-го, более 50 тысяч немцев из немецких сёл Крыма и всех подчистую из Республики немцев Поволжья вывезли в Казахстан в спецпоселения.

А вот немцев из немецких сёл вдоль реки Молочной вывезти не успели, потому что с 18 августа немецкие войска уже стояли на правом берегу Днепра напротив Запорожья и все энкавэдисты дружно драпанули на восток, не исполнив директиву.

Другие немцы, из настоящей Германии, в те дни уже отдыхали в Херсоне, стучались в ворота Запорожья, штурмовали Днепропетровск и обустроивались в Киеве. А потом, к концу октября 41-го, вольготно расположились по всей Украине и пошли вглубь России.

И только весной 43-го после Сталинградской битвы роли поменялись и Советская армия перешла в наступление на всех фронтах, освобождая город за городом, село за селом.

Немного введя меня в курс дела, Николай Владимирович предлагает проехать на Мемориал, обещая показать его по-настоящему, полагая, что я с Катей осмотрел памятники поверхностно, торопясь и не всё увидел...

Сажусь вслед гостеприимному хозяину в джип, и мы мигом выскакиваем за околицу Альт-Нассау-Виноградного. Полевые дороги вполне проходимы в разгар лета, но, понятно, до первого дождя...

Николай Владимирович, показывая поля великолепного подсолнечника и кукурузы, принадлежащие его сельхоз-предприятию, как-то буднично проговаривается, что до сих пор при вспашке плуги выгребают из лона земли кости погибших при штурме Пришибских (Молочанских) высот...

Ещё километр и подъезжаем к прекрасному винограднику. Хозяин не без гордости сообщает, что 10 гектаров винограда уже начали в прошлом году

плодоносить, а в нынешнем ожидается сбор до 30 тонн товарного винограда. И вино своё оригинальное будет!

Выходя из машины, чтобы переговорить с женщинами с садовыми ножницами, спешащими к машине, Николай Владимирович передаёт мне свой сотовый, набрав предварительно номер Володи Смердова в Бердянске, с тем, чтобы я пока что познакомился с ним заочно и установил первоначальный контакт.

– Говори, сколько потребуется, знакомьтесь, – разрешает он, – а я должен проверить, как идёт обрезка винограда...

Пока он разговаривает с работницами, ведущими обрезку кустов, я минут пятнадцать беззастенчиво говорю с невидимым мне Смердовым. Мы договариваемся о контакте через Интернет, и он начинает отвечать на мои бесконечные вопросы о женском “штрафбате” и жестоком сорокадневном штурме оборонительной немецкой линии “Вотан”, главного оплота “Восточного вала”.

От Володи узнаю драгоценные самые простые сведения и факты.

Во-первых, никакого штрафбата быть не могло, это выдумка первых комментаторов двадцатипятилетней давности – штрафные батальоны существовали для офицеров, а для рядового состава только штрафроты.

Во-вторых, оказывается, практика отправки женщин в штрафроты первые два с половиной года войны была и немалая, потому что и в Красной, а затем и в Советской армии служили миллионы женщин. Естественно, что и они порой попадали под неутомимую секиру военных трибуналов...

Попрощавшись с Владимиром, выхожу из машины, здороваюсь с работницами виноградника, фотографирую Николая Владимировича с его надёжными виноградными кадрами...

Прыгаем в джип и едем к раскопам, к тем блиндажам, в одном из которых после боя были “складированы” тела 79 погибших человек нашей “живой силы”, из них 32 молодых женщин... Установлено экспертизой, проведенной в результате хлопот Савченко с единомышленниками.

Мама Николая Владимировича, как и уцелевшие женщины всех близлежащих украинских сёл, участвовала в так называемых “санитарных захоронениях” после боёв и ещё помнит те немецкие блиндажи, куда первые дни после прохода фронта складывали останки разорванных на части тел. Власть заставляла селян ближних украинских сёл “прибираться” после боёв... Эти приборки длились всю зиму на 44-й год и весну. Зима выдалась тёплая, малоснежная, с частыми оттепелями, так что десятки тысяч трупов на обеих берегах Молочной и в самой реке разлагались и представляли собой жуткое зрелище.

Потом эти блиндажи, набитые телами штрафников, оказались на сорок лет забыты, потому что площадку обваловали многометровым земляным валом и устроили водохранилище для полива окружающих полей...

Подъезжаем к раскопам немецких окопов и блиндажей. Взабираемся на глиняный откос. С десятиметровой высоты хорошо видна площадка ныне спущенного пруда. Она вся в раскопах, причём местами довольно глубоких и обширных, вручную столько не укопать.

Загорелой крестьянской рукой Николай Владимирович показывает мне в отдалении блиндаж, где были найдены останки молодых женщин. Туда не пробраться через заросли степного разнотравья, особенно полыни и молочая. Фотографирую, фотографирую, фотографирую...

Вдали раскоп одного из блиндажей с женскими останками.

– Николай Владимирович, а вообще, как и кто, по вашему мнению, додумался до создания женских штраф-рот? Или был приказ Сталина, или того же Жукова? И как в этих подразделениях смертниц оказались гражданские лица?..

Савченко задумался. Потом начал говорить.

Сказал, что конкретных документов о создании женских штрафных подразделений в Красной Армии не видел, но, судя по тому, что во время войны в СССР в армии служили миллионы женщин, то не в мужских же штраф-подразделениях было “перевоспитывать” проштрафившихся красноармеек?..

Володя Смердов раскопал, что в конце 43-го ряд командующих фронтами издали приказы, в коих предлагали военным трибуналам прекратить практику осуждения женщин-военнослужащих к направлению в штрафные роты... Значит, первые два года войны такая практика была в ходу!.. Да и нарком обороны СССР через год отметил заботой о женщинах-военнослужащих командного состава.

Например, в приказе народного комиссара обороны Союза ССР № 0244 от 6 августа 1944 года читаем:

“3. Офицеров-женщин, осужденных за совершенные преступления, в штрафные части не направлять; тех из них, которые за совершенные ими преступления осуждены военными трибуналами с применением второго примечания к статье 28 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующим ст. ст. УК других союзных республик, направлять в части действующей армии.

Офицеров-женщин, осужденных без лишения воинских званий, использовать на офицерских должностях в соответствии с пунктом 2 настоящего приказа.”

Стало быть, до этого приказа офицеров-женщин в штрафники направляли автоматически. Что уж тогда говорить о рядовых бойцах женского пола?..

А вот откуда взялись в штраф-роты женщины с воли, простые гражданские девушки и молодые женщины, каким ветром занесены и этим обречены на смерть?..

Дело в том, что на занятых немцами украинских землях по причинам дезертирства, халатности военкоматов, молниеносного наступления противника осталось 5,6 миллиона (!!!) военнообязанных украинцев — то есть почти столько, сколько их потенциально могла дать всеобщая мобилизация (15% всего населения Украины). Да за два года оккупации подросло два призывных возраста, а это примерно 1,5 млн., итого получается более 7 млн.

Всего же на оккупированной украинской территории осталось не менее 95% (!) населения — вся республика!

Численность населения УССР в современных границах на начало 1943 года составляла 40,5 – 41,2 млн., как оценочно, так и по немецким данным.

В 1944 г. осталось 32,3 млн. Убыль за год – 8-9 млн. Примем 8,5. Понятно, что, судя по всему, это лица в основном мужского пола.

При отступлении немцев в 1943-м с ними ушло на Запад не более 1 млн. украинцев (стали перемещёнными лицами) и все немцы-колонисты Украины, примерно 300 тысяч человек., остальные ждали своей участи, надеясь, что Сталин не будет на них зла держать. Итого отступило 1,3 млн. человек. Считаем. $8,5 - 1,3 = 7,2$.

Источники говорят о 3 млн. мобилизованных в Украине за период с 1943 по 1945 г. — то есть о 10% населения.

Судьба остальных испарившихся во второй половине 43-го года 4 с лишним миллионов официальными историками не обсуждается и не затрагивается. Продолжается лепет о том, что, дескать, около 2 миллионов было угнано на принудительные работы в Германию. Да, это так – по немецким данным. Но они угнаны в 1942-м. Из них после 1945 г. возвратилось 1,5 млн., а 0,5 млн. остались на Западе, как перемещённые лица. Но эти цифры никаким боком к численности граждан Украины в 1943-м г. отношения не имеют.

Официально за всю войну погибло всего лишь немногим более 5 миллионов жителей Украины, в то время как только в 43-м пропало более 7 млн.!

По некоторым оценкам за ВМВ Украина потеряла 14 млн. человек!

Подключение действующей армии к процессу мобилизации давало возможность ускорить введение в бой новых резервов и скрывать неоправданно колоссальные потери в наступательных операциях. Линию “Вотан” штурмовал Южный фронт Толбухина. Но перед этим ЮФ участвовал в Харьковской операции и освобождении Донбасса, где потерял большую часть личного состава. В сентябре 1943 г. только из районов Донбасса в соединения Южного фронта влилось 120 тыс. человек. Войска 2-го Украинского фронта за период с 1 по 23 января и в марте—апреле 1944 г. получили пополнение — 330 тысяч человек с бывших оккупированных территорий. Но это официальные цифры и, скорее всего, они отражают лишь частично работу полевых военкоматов.

Ложь господствовала на всех уровнях. Командиры полков лгали командирам дивизий, те – командующему армией, а он – командующему фронтом. Обобщённое вранье отсылалось в Москву, Верховному... Собственные потери преуменьшались в разы, потери противника соответственно преувеличивались.

Когда наши части захватывали сёла и райцентры, то командиры дивизий тотчас организовывали облавы на мужское население освобождённых населённых пунктов, чтобы пополнить свои подразделения, быстро таявшие в наступательных операциях. Загребали всех мужчин, имеющих две ноги и две руки в возрасте от 17 до 50 лет, определяя возраст на глазок. Часто попадали и дети 15-16 годов, если выглядели взросло, и пожилые, больные мужики за 50, вплоть до 60-летних. Никто на документы не смотрел, рыдающих матерей успокаивали матом и тем аргументом, что вы тут с фрицами сало жрали и самогоном запивали, а мы два года в окопах яйца морозили.

Дело в том, что полевые военкоматы разворачивались с опозданием в одну-две недели, дожидаясь закрепления освобождённой территории, так как часто населённые пункты то и дело переходили из рук в руки.

Правда, жизнь то и дело тормозила процесс пополнения штурмовых частей свежим пушечным мясом. Прежде всего, было необходимо отсеять из рядов призванных “ненадёжные элементы”, что требовало значительных усилий и времени. Первая проверка на благонадежность проходила уже на первом этапе мобилизации, сразу после облав. В ней обязательное участие принимали офицеры местных или фронтовых органов НКВД и военной контрразведки «СМЕРШ».

Затем к процессу «просеивания» подключались представители местных партийно-советских органов (эти “органы” вырастали буквально из-под земли уже в первые часы после освобождения населённых пунктов, прямо, как грибы после дождя). Оказывается, в оккупации вынужденно остались, не успев убежать на восток, многие работники низовых партийно-советских звеньев, сидевшие тихо при немцах. А с приходом наших они тотчас вылезли на поверхность, объявив себя партизанами или подпольщиками. Они и составляли в первые дни советскую власть. Чтобы выслужиться, эти отбросы сдавали НКВД многих безвинных людей, обвиняя их в сотрудничестве с немцами, а попросту сводили счёты с недругами.

Тех из призывников, кто якобы сотрудничал с немцами (если их не вешали по-горячему или не расстреливали на ближайшей площади), отправляли либо в

тыл для дальнейшей проверки, либо в штрафные роты. Всех остальных (кроме партийных функционеров и тех, кто утверждал, что был не менее года в партизанских отрядах) направляли в обычные роты и запасные полки.

Формально в 1943—1944 гг. в Украине в Советскую армию было мобилизовано до 2,5 млн. чел. Однако в УССР проводились и другие мобилизации-призывы: так называемые досрочные — 17-летних (почти 250 тыс. чел.), женские, трудовые, этнических меньшинств (поляков в Войско Польское), «добровольцев» из числа закарпатских украинцев. В целом можно говорить о более 3 млн. официально мобилизованных в Украине за период с 1943 по 1945 г. — то есть о 10% населения.

В войсках 1 — 4 Украинских фронтов в строевых, преимущественно пехотных частях и соединениях, украинцы составляли 60—80%...

В то же время реальная убыль населения Украины за 1943 г. составляет 7 млн.

Как объяснить эту нестыковку?

Ответ простой и всем в ту пору известный. Ложь на всех уровнях. Но Верховный главнокомандующий не только знал об этой лжи, но и всячески потворствовал ей. Вспомним хотя бы манипуляции с довоенными переписями населения, призванными замаскировать убыль миллионов граждан в 1932-33 г. г. в результате устроенного Сталиным Голодомора в Украине, Поволжье, Кубани, Казахстане...

Около 7 млн. мобилизованных официально и неофициально (минуя учёт) жителей УССР погибло в этот период. После войны этнодемографический вакуум, возникший в республике, заполнялся за счет жителей других регионов СССР, что тоже можно отнести к методам сталинской репрессивной политики в Украине.

Военные мобилизации в сталинской империи, начиная с середины 1943-го, использовались не только для пополнение действующей армии живой силой, но и в качестве своеобразной формы мести украинскому населению, которое осталось на оккупированной вермахтом территории, а также как метод борьбы режима с повстанческим движением в Западной Украине.

Хотя совершенно очевидно, что население Украины в 41-м было брошено Сталиным напроилов. Как-то ещё удалось вывезти на восток оборудование основных предприятий промышленности, а об эвакуации гражданского населения попросту забыли или этого не было в планах эвакуации, составленных, оказывается, в 40-м году... Да кто бы прокормил за Уралом эти 40 млн. человек?

Согласно Приказа Ставки ВГК № 089 от 9. 02. 1942 года действующая армия получила право самостоятельно пополнять свои ряды. Проводилась мобилизация освобождённых немцами советских военнопленных и окруженцев. (Мобилизации подлежали также мужчины от 17 до 50 лет, ранее не призывавшиеся в ряды КА. Предусматривался 15-дневный срок их обучения.)

После марта 1943 г., пройдя соответствующие проверки, данный контингент направлялся в штрафные и штурмовые части, хотя до того его направляли в армейские запасные стрелковые полки или в спецлагеря НКВД. В реале армия,

на уровне дивизий и полков, осуществляла неконтролируемую, тотальную, перманентную мобилизацию, осуществляемую атакующими воинскими частями.

Эта тотальная мобилизация имела трагические демографические последствия для Украины.

Одним из неисследованных вопросов является преступное понуждение мобилизованного местного пополнения тотчас, без всякого обучения и оружия идти в бой, потому что среди нашего офицерства гуляло презрительное отношение к тем, кто «отсиживался во время войны в оккупации».

Единственным документальным отечественным источником об этой трагедии можно считать самую правдивую книгу о войне 1941-1945гг. - «Дневник» («Щоденник») - депутата Верховного Совета УССР, великого кинорежиссера и кинодраматурга, основоположника современной кинематографии, Александра Петровича Довженко(11.X.1894 - 25.XI.1956). С великой болью в сердце описывает наш соотечественник 1941-1942гг., канун 1943 года, содержание партполитработы в советских войсках, 1943 год, упоминает Бердянск, Мелитополь, пишет про трагедию черносвитков.

Гражданское население в районах, оккупированных фашистской армией в 1941-1942 гг. было объявлено виновными перед Родиной и Сталиным. Главной виной было то, что выжили в годы оккупации. Поражения Красной армии в первые два года войны партполитработники объясняли не столько вероломством Гитлера (и никогда - обнародованными позднее ошибками Сталина), как предательством продажных «хохлов». Виною украинцев было то, ... что работали в эти годы, растили хлеб, детей, остались живы...

Сразу начинала работать густая мобилизационная сеть военных комиссариатов(1), армейской мобилизации(2) и «самовольной» мобилизации(3). Последняя сеть осуществлялась в селах под стволами автоматов без оформления каких-либо бумаг и документов.

(file:///D:/D/Alhambra/OURBOOKS/SHELF/Shtrafbat/Штурм немецкой обороны ВОТАН [Архив] - Форум сайта REIBERT.info.htm)

И не делили тогда украинский народ «мобилизаторы» по национальным признакам! Действовала схема - сегодня мобилизован, завтра в бой, а там разберемся. Для подавляющего большинства «там» не наступало. В основном такие мобилизованные погибали, не став военными.

И это неудивительно – по мере освобождения Украины, Белоруссии и других оккупированных территорий воинские части и полевые военкоматы загоняли в армию старшие призывные возрасты – 1890-1923 годов рождения, то есть тех, кто сознательно не стал воевать в 41-м за режим, испоганивший им жизнь террором, ГУЛАГом, коллективизацией, раскулачиванием, Годомором. Не случайно секретарь ЦК КП(б)У Д. Коротченко позднее признал, что “абсолютное большинство гражданского населения в Украине не желало продолжать борьбу против немцев, а пыталось разными способами приспособиться к оккупационному режиму”. Знал об этом отлично и Сталин. И, безусловно, горел мщением.

За два военных года в армию призвали парней 1924 и 1925 годов рождения, среди которых было уже немало павликов морозовых, олегов кошевых, зой космодемьянских – сталинская селекция приносила первые вкусные плоды. Да и в

руководстве вооружённых сил за четверть века ГУЛАГОВСКИХ выбраковок остались только верные сталинцы. Поэтому вторично призванные были обречены на гибель.

Другая большая ложь состоит в сокрытии реальных потерь личного состава при штурме линии «Вотан». Вообще, данные о потерях в Мелитопольской операции тщательно скрыты, и в Интернете вы ничего конкретного не найдёте. Всё есть по Сталинградской битве, Курской, ряду других сражений вплоть до взятия Берлина, а вот Мелитопольская операция, длившаяся 40 дней (рядом расположенный Запорожский укрепрайон взят за 2 суток!), окружена некоей непробиваемой тайной.

Удалось узнать, что по нашим данным из 210 тыс. немцев, оборонявших «Вотан», уничтожено свыше 85 тысяч и более 22-х тысяч взято в плен...

Хотя по немецким данным, 6-я армия группы армий «А» Эвальда фон Клейста (ок. 210 тыс. чел., ок. 300 танков, 1500 орудий и миномётов, ок. 700 самолётов) с 20.09 по 10.11.43 потеряла убитыми 4.077, ранеными 16.681 и без вести пропавшими 3.591...

В то же время Южный фронт (с 20 октября — 4-й Украинский фронт) Фёдора Толбухина (в составе 5-й ударной армии, 2-й гвардейской армии, 44-й, 28-й, 51-й армий, 8-й ВА, 11-го, 19-го, 20-го танковых корпусов, 2-го и 4-го гвардейских мехкорпусов, 4-го и 5-го гвардейских кавкорпусов — всего официально списочного состава 555 тыс. чел., до 780 танков и САУ, св. 5300 орудий и миномётов, св. 1100 самолётов) якобы понёс безвозвратные потери — свыше 42 тыс. чел., санитарные — св. 155 тыс. чел. Здесь правда лишь в части санитарных потерь. По безвозвратным — чистая ложь. Занижено в 12-13 раз!!! По независимым оценкам, потери Южного фронта за 40 дней штурма линии «Вотан» составили 500-600 тысяч убитыми (практически ребят гнали на расстрел). Для сравнения, общие потери Красной Армии в Сталинградской оборонительной операции составили 643 842 человека... (Википедия).

И это достижение не осталось незамеченным в Кремле. Вскоре Фёдор Толбухин стал маршалом Советского Союза!!!

Призыв 1943 имел для Украины трагические демографические последствия. Число погибших скрыто. Выявленные факты фальсификаций в учете потерь дают основания утверждать, что подавляющее количество только что мобилизованных воинов, погибших в первые недели своего пребывания на фронте во 2-й половине 1943-го, зачислены пропавшими без вести в апреле — мае 1944 г. Но это касается лишь тех, кому повезло попасть хоть в какой учёт. Тех же, кого захватывали полки и дивизии, тотчас гнали на передовую без всякого учёта. Для них не было ни обмундирования, ни оружия.

Ещё раз даю слово Владимиру Смердову, командиру Бердянского военно-поискового отряда «Полигон»:

— Как рассказывают ветераны, в 1943 году в атаку шли с двумя-тремя винтовками на 10 человек. Остальные шли в атаку с гранатами, с сапёрными лопатками — и мы их так и находим, с этими лопатками в руках. А в Токмакском районе мы очень часто находили и такое вооружение у наших бойцов:

деревянные палки с прикрученными к ним проволокой стальными заточенными штырями. Они с копьями шли на пулемёты и танки!

Проведя в 1943 году исследование среди пленных красноармейцев, немцы пришли к парадоксальному выводу: «Советы» окончательно исчерпали свои людские ресурсы и теперь бросают в бой подростков и людей преклонного возраста, мобилизованных из числа местного населения.

И это было правдой – только переход СА в наступление после Сталинградской битвы позволил подбросить дровишек в затухавший костёр войны за счёт призыва людских ресурсов с освобождаемых территорий.

Такие действия являются проявлением тоталитарных методов ведения войны и преступлением советской системы против собственного народа.

Говорят, что Рокоссовский предложил доложить Ставке Верховного главнокомандования ситуацию и попросить помочь с вооружением и формой для призванных воинскими частями и полевыми военкоматами. И тут якобы Жуков не выдержал и заявил:

– Зачем мы, друзья, здесь головы морочим. Нах... обмундировывать и вооружать этих хохлов? Все они предатели! Чем больше в Днепре потопим, тем меньше придется в Сибирь после войны ссылать...

В ответ Рокоссовский возразил, что “это — геноцид”, и дал указание сообщить о подобных планах в Генштаб. Однако Ватутин не поддержал эту инициативу, заявив, что “не хочет портить отношения с Жуковым...”

Но на левом берегу реки Молочной была ещё и особая специфика – там было много немецких сёл, где жили колонисты с начала 19-го века. Хотя Указ от 28 августа 1941 года о депортации немцев относился только к немцам Поволжья, были депортированы и российские немцы из Крыма и Южного Кавказа. Но в восточных частях Украины (восточнее Днепра) из-за стремительного наступления немецких войск советским органам не удалось вывезти немцев-колонистов. Из 420.000 российских немцев, живших в 1941 году в Украине, лишь примерно 10.000 были депортированы с июля по середину августа в восточные части страны.

Зато в Крыму в августе 1941 года чекисты осуществили первую крупную депортацию по национальному признаку. Они вывезли из Крыма до 50 тысяч немцев, поселившихся тут преимущественно во времена Екатерины II. Формула обвинения была одна: “пособничество гитлеровским захватчикам”.

В итоге более 60% личного состава войск, участвовавших в 1943 году в освобождении Украины, составляли уроженцы УССР.

Жестокий тоталитарный сталинский режим, раскулачивание, голодомор, насильственная коллективизация, репрессии, стремление к национальной независимости были причинами того, что многие украинцы воспринимали немецких оккупантов как освободителей.

Тот же Г. Жуков во время битвы за Днепр и позже приказывал разминировать немецкие минные поля, которые встречались на пути войск, которые были под его командованием таким образом.

– Когда мы наталкивались на минное поле, - говорил он при встрече с командующим войсками союзников Д. Эйзенхауером в 1945 г., - то наша пехота атаковала его так, как будто бы его там не было. Потери, какие мы несли от противопехотных мин, мы считаем равными только тем, которые бы понесли от пулеметного огня и артиллерии, если бы немцы вместо минных полей решили защищать этот участок сильным военным соединением. Однако атакующая пехота не взрывает мины противотанковые. И после того, как она проникает в глубину минного поля и создает плацдарм, подходят саперы и делают проходы, через которые может пройти наша боевая техника...

Эйзенхауер был шокирован и сказал:

– Я ясно представил себе яркую картину того, чтобы случилось с любым американским или британским командующим, если бы он применил подобную тактику...

Говорить нам с Николаем Владимировичем можно было сутками и тему не исчерпать. Осмотрев раскопы трагических захоронений, мы поехали вновь на Мемориал.

Действительно, Савченко оказался прекрасным гидом. Он знал историю каждого памятного знака и захоронения. Показал реконструированный немецкий окоп, линии обороны, другие памятники, рассказал много подробностей боёв.

Немецкий окоп с бронещитом. Вдали в низине речка Молочная. Наши наступали из-за реки

Вот ещё несколько снимков.

Здесь все знают Николая Савченка

Молодожёны улыбаются беспечно и счастливо

Неизменный букет – к Сломанной розе...

Родник из земных глубин

А жизнь продолжается...

Окончив подробный осмотр Мемориала, едем обратно в Альт-Нассау-Виноградное. День уже клонится к вечеру. Надо успеть в Токмак к последней маршрутке в Запорожье.

Николай Владимирович понимает моё состояние и делает широкий жест – предлагает подбросить в Токмак. Да не просто подбросить, а познакомить там со зрителем уникального народного “Музея солдата без вести погибшего” Гейченком Рифатом Раифовичем. Как не согласиться?

Езды на хорошей машине – всего ничего.

Рядом мелькает и река Молочная. Сегодня она безопасная и мирная.

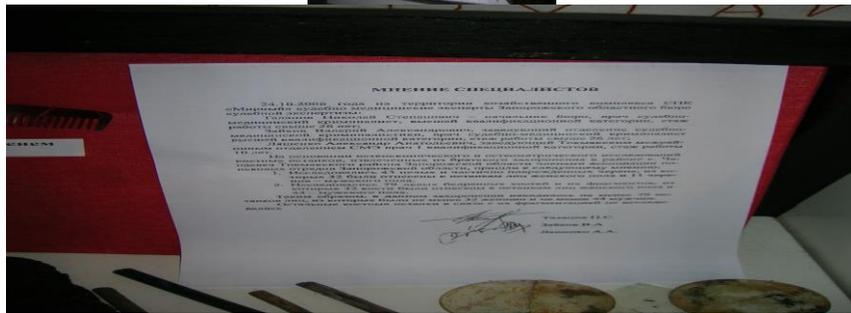
И вот Токмак. Тормозим у нужного дома, и к нам навстречу идёт приветливый человек, не один десяток лет посвятивший раскопам и розыскам неизвестных солдат той страшной войны.

Прощаюсь с Савченком. Спасибо за рассказы и экскурсию. Договариваемся поддерживать контакт.

Итак, теперь два часа с Рифатом Гейченко. Музей, где каждый экспонат найден путём трудных многолетних поисков бескорыстных, преданных гуманистической идее людей.

Делаю несколько фото.

Создать такой музей – нравственный подвиг! Спасибо, Рифат!

Июнь-октябрь 2012 г. Токмак-Запорожье-Москва-Казань

V. 121023